

ДИАЛЕКТИКА ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М.М.БАХТИНА

Д.Ж. Адизбаева

Казахский государственный университет им. Аль-Фараби, г. Алматы

Труды М.М. Бахтина занимают особое место в интеллектуальной истории XX века: пожалуй, это самый значительный автор, которого дал миру Советский Союз в широкой области, включающей литературоведение, гуманитарные науки и философию.

В 60-80-е гг. прошлого века Бахтина зачастую истолковывали (и у нас, и на Западе) с тех самых теоретических позиций, с которыми он полемизировал на протяжении всей своей жизни (формалистических, структуралистских, марксистских и т.п.). Его не преминули сделать внешним авторитетом внутреннего самоутверждения. Преобладание темы диалога и как неявной, «снятой» идеи диалектического противоречия, и как универсального способа самооправдания - вот что порой видят западные исследователи в исследованиях «по поводу» Бахтина. Характерно определение, представленное в энциклопедическом словаре по культурологии: «культурологическая концепция М.М. Бахтина основана на идее диалога, который истолковывался им как форма общения отдельных личностей, а также как способ взаимодействия личности с объектами культуры и искусства и различных культур в исторической перспективе... Важными категориями выступают “ответственность”, “полифония” - многоголосие и равноправие существующих в мире и художественных произведениях сознаний по отношению друг к другу и к единому культурному целому». Такие понятия, как “диалог”, “карнавализация”, “полифония” превратились (у нас и на Западе) в своего рода жаргон неподлинности. Так велико расхождение между смыслом этих понятий у Бахтина и экспроприацией понятий, в особенности, на почве идеологического постмодерна.

Как отметил В.Л. Махлин, к началу 90-х гг. на Западе и в России появился ряд монографий, в которых были сделаны интересные и продуктивные попытки осмыслить “диалогизм” М.Бахтина в контексте современной истории гуманитарной культуры XIX-XX вв. В то же время начала развиваться «ситуация Бахтина» - ситуация своеобразного рассеивания смысла его творчества по страницам многочисленных исследований. Бахтинская мысль вызвала избыточную побочную литературу. Все условия для этого были налицо: написанные Бахтиным фрагменты захватывающие, но без ясной связи между ними; к тому же смысл каждого из них - повод для толкований. Критики ухватились за столь удачную находку и создали необъятные комментарии, противоречащие одни другим.

Обсуждение всех высказанных суждений и полемика с их авторами не входит в наши цели, поэтому мы только перечислим здесь в хронологическом порядке основные работы, посвященные исследованию творчества М.М. Бахтина.

Внушительный список монографий, сборников, статей, специальных выпусков, тезисов и докладов, посвященных анализу научного наследия М. Бахтина за 1983-1994 можно найти в журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп», Среди авторов, посвятивших свои работы творчеству М.М. Бахтина можно назвать В.С. Библера, Е.В. Волкову, М.Холквиста, С.С.Аверинцева, Ю.Н. Давыдова, В.Н. Турбина Л.А. Гоготишвили, Н.К. Бонецкую, Л.Е. Бляхера, П. Гржибек, В.А. Мальчешова, Вяч. Курицына, М.О. Горобинского, Н.Панькова. Характерно, что попытки вербально-текстового восприятия и интерпретации творчества М.М. Бахтина сопровождались, в большей или меньшей степени, потерей его смысла. Порой мы отчетливо ощущаем, как бьется мысль исследователя в клетке, сплетенной из слов: «Феноменологией диалогического разума выступает бахтинский диалог культур», пишет В.С. Библер. «На грани, в лакуне межкультурного диалога, когда каждая культура определяется как только что полагаемая, изобретаемая заново, возникает разум, способный перерешить последние вопросы бытия.

Этот странный разум, действительно, ближе всего (на грани...) к тому понятию, или той интуиции духа, что выработаны, скажем, в христианской теологии. Но, как я считаю, именно на грани.

Это близко к духу (в его отношении к «душе»), во-первых, тем, что он (кто, он? дух? Разум?) оказывается высшей формой (но и трансформацией) сознания личности, высшей и всеразрешающей формой решения ее проблем. Во-вторых, даже в своем всеобщем бытии он сохраняет свой личностный характер, не теряет, но доводит до предела свою уникальность, единственность, трагичность. Мыслить всеобще способна только личность. В-третьих, этот разум (дух) всегда есть форма общения, он не способен к обобщению.

И все же, я полагаю, что бахтинский дух в полной мере может быть понят как разум. Всеобщий (в общении) разум индивидуального, этого земного индивида, живущего в горизонте личности. Общающегося (реально, творчески) с иными людьми. Сама живая форма деятельности этого разума (скажем теперь так) обладает собственно логической, логикифилософской (не религиозной) определенностью, статутом мысли, сопряжением сознания и бытия в точке их взаимного полагания, то есть в точке понятия. И только тогда, когда разум (всеобщее) понимается как необходимое определение личности (в напряжениях общения), только тогда возможно понять бахтинский «диалог культур». В таком определении, как разум общающихся разумов, всеобщее может мыслиться лишь атрибутом, явлением индивида, (особенного) в его отношении («равноправном») к другому индивиду (особенному).

Разум культуры, разум решения последних вопросов бытия - это не разум, обобщающий разумение общающихся индивидов, но это и не разум, распределенный между индивидами, но это и не разум, уникально сосредоточенный в одном полюсе общения, - в Судье и Спасителе. Это - разум самого общения, - общение как разум, в котором твой ответ (и вопрос) необходимо берегут мои вопросы (ответы), в котором твое бытие (и бытие твоего сознания, твоей мысли) вне меня, вне моего разумения только и придают смысл моим поступкам, словам и мыслям. (Ты - судья и свидетель). Так же и для тебя, без моего - особенного, отдельного, вопрошающего, внеаходимого бытия (и мышления) - твое бытие бессмысленно и неразумно... И это именно - разум. В философии культуры Бахтина, в его гуманитарном мышлении осуществляется удивительный парадокс: сознание вымысливает разум.» [4].

Этапом в исследовании творчества М. М. Бахтина явился научный доклад В.Л. Махлина. Он отметил, что логика бахтинского авторства должна быть увидена и осмыслена одновременно «изнутри» программы как «единство становящейся (развивающейся) идеи и «извне» программы в объективном, конкретно-историческом процессе смены парадигмы в философии и гуманитарном познании в особенности первых десятилетий XXв.; другой стороной методического разведения контекстов в данной работе является прояснение онтологически-событийного различия между началом и концом XX в.; это различие контекстов в значительной мере объясняет многочисленные постмодерные aberrации в истории восприятия идей Бахтина. Онтологически-событийное различие между началом и концом XX в. понимается как условие возможности проблемного «совпадения» с Бахтиным в большом времени гуманитарной культуры, как реальность самого интереса к Бахтину в наше время.

По мнению В.Л. Махлина, научно-философская программа М.М.Бахтина невыводима из тех «влияний» на нее в философии и в культуре, без которых она, в то же время, немислима, не могла бы состояться, «Степень ответственности» (по его же выражению) на все влияния (западные и русские) у Бахтина настолько велика, что его идеи и концепции невозможно адекватно интерпретировать ни путем редукции их к чему-то уже известному и (якобы) понятному, ни альтернативным этому путем изоляции бахтинской мысли из исторического контекста (и неизбежной в этом случае сугубой «модернизации-под-себя»).

Подобно западным инициаторам «философии диалога» (С-Кьеркегор, Ф.Розенцвейг, О.Розеншток-Хюсси и др.), Бахтин мыслил внутри программного диалогического принципа самого начала, не пользуясь словом «диалог», а восприняв его извне во второй половине 20-х гг., он сумел придать этому понятию настолько разнообразный и дифференцированный смысл, как это не удалось ни одному из западных «философов общения».

Диалогизирующим фоном парадигматического сдвига или сдвигов в современном гуманитарном познании может быть в философии преимущественно засадный контекст, а

филологии и литературоведении преимущественно русский контекст первых десятилетий XX в. Путь западной философской и общегуманитарной мысли Бахтин прошел, в значительной мере, самостоятельно и своеобразно, многое предвосхитив в современной философской культуре и оставшись ею непревзойденным. В филологии, литературоведении и философской эстетике он еще более уникален (и одинок), поскольку он сумел осмыслить существо гуманитарного кризиса и “взрыва” начала XX в. и развить свою философскую программу в специализированных областях, т.е. за пределами собственно философии.

Герменевтический потенциал бахтинской мысли и сегодня еще остается почти вовсе не востребуемым или нереализованным, потому что преобладающие в философском и научном познании формы мышления производны от тех теоретических практик, с которыми всю жизнь полемизировал и Бахтин-философ, и Бахтин-филолог, и Бахтин - литературовед. Более того: сегодняшний гуманитарный кризис науки и образования (у нас и на Западе) это то самое, что Бахтин “хотел сказать”, сумев уже в творческих достижениях революционизированных теоретических практик 10-20-х гг. разглядеть семена самоотрицания и новых кризисов.

Особое место Бахтина в русской философии и гуманитарии определяется тем, что он стал в XX в по сути дела единственным после Вл. Соловьева и несравненно более глубоким (“диалогичным”) проблематизатором западной Философской традиции, от античности до наших дней. Именно в качестве критики спекулятивной метафизики Запада вплоть до ее греческих субстанциалистских истоков и источников — притом критика обновляющего, возрождающего мышление и науку - Бахтин, во-первых, оказался в подлинном смысле современником самокритики западного теоретизма (“метафизики”, “платонизма”, “логоцентризма», и во-вторых, сделал шаг вперед в развитии российской философской науки, не вышедшей за пределы анахронических западных образцов ни в “материалистическом”, ни в “идеалистическом” своем варианте. В этом смысле “после” Бахтина философские и филологические науки, в принципе, не могут уже быть тем, чем они были “до” него.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диалог. Карнавал. Хронотоп. - М., 1994.- С. 129-137. См, также, Махлин В.Л. следие Бахтина в современном зарубежном литературоведении // Изв. АН. СССР. Серия лит. л., 1986, Т. 4.- С. 316.
2. Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху //От мифа к литературе: орник в честь 75-летия.
3. Курицын В. Событие Бахтина //Октябрь, 1996. №2. -С. 182-187.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества - М.: Искусство- 1979 - с. 360.

ВЗМОЖНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

А.В. Лакреева

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Проблеме самоопределения человека посвящено немало исследований в области философии, психологии, педагогики. При этом наиболее часто рассматриваются следующие типы самоопределения: личностное (М.Г. Гинзбург, В.К. Игнатович, Н.Б. Крылова, В.И. Андриков), профессиональное (Л.В. Андриянова, А.Я. Журкина, Е.А. Климов, Н.С. Ежников), социальное (Н.П. Артемьева, В.И. Журавлев, В.Ф. Сафина, Л.М. Ивенский), личностно-ценностное (Л.М. Архангельский, А.А. Гусейнов, Н.Д. Зотов, В.Н. Шердаков), ценностное (А. Абульханова-Славская, Н.Г. Асмолов, Е.В. Бондаревская) и т.д.

Однако проблематика гендерного самоопределения возникла сравнительно недавно, и данный феномен крайне не достаточно исследован в педагогике и психологии. В то же время